

An aerial photograph of Tokminskaya House in Yekaterinburg, Russia, featuring a prominent pyramid-shaped roof. The image is overlaid with a semi-transparent graphic of a man in a suit pointing to the right, and a stylized tree. The background is split into a red/orange gradient on the left and a blue/green gradient on the right.

ДОМНА ТОКМИНА

**МЕНЕСТРЕЛИ
ВРАТЬ НЕ БУДУТ**

Домна Токмина
Менестрели вратъ не будут

«Accent Graphics communications»

2018

Токмина Д.

Менестрели врать не будут / Д. Токмина — «Accent Graphics communications», 2018

<p id="bookmark0">В этой книге совмещены все жанры: детектив, женский роман, немного истории. Но, в основном – политический фарс. Роман не для серьезных людей, а для тех, кто любит от души посмеяться. Действия героев вызывают отличное настроение. Всякое сходство с фамилиями, именами, поведением, ситуациями совершенно случайно. Автор заранее приносит извинения, если кто-то узнал в литературном герое себя.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Домна Токмина

Менестрели врать не будут

Глава 1

Деревня Сидристовка располагалась на холмах. Когда-то её окружал лес, но после того, как его вырубili и продали, остались одни лишь пеньки и почти высохшая речка. Ничем особенным она не отличалась от ряда таких же соседних деревушек: та же убогость, бездорожье и безнадежность.

Единственным приличным зданием в деревне была местная администрация, – четырехэтажная, со свежим ремонтом, новой мебелью, битком набитая чиновниками.

Перед зданием мэрии находилась площадь Брани. Вообще-то у неё не было официального названия, но это вполне прижилось, так как здесь зачастую устраивались митинги и пикеты.

Украшали площадь два бронзовых льва размером с ведро. Вид у них был понурый и какой-то запуганный. Хотя чему тут удивляться: у этих львов то и дело спиливали головы и сдавали на металлолом. На эти скульптуры в своё время была потрачена уйма денег из бюджетных средств, в пику соседнему городу, где как-то побывал мэр и удивился, почему это у соседей есть львы, а у них в Сидристовке, – нет?

Иногда митинги около администрации глава проводить запрещал и посылал к Ленину. Обелиск Ленина находился достаточно далеко от мэрии, чтобы не слышать лозунги недовольных граждан. Представлял он из себя четырехугольное сооружение из цемента с цитатой из высказывания вождя революции.

Многие о смысле этого высказывания только догадывались, потому что часть букв давно отвалилась, и как нарочно, в основном, буква «Р», словно намекая, что Владимир Ильич эту букву не просто не произносил, он её игнорировал. Кто-то предположил, что это была задумка создателя этого обелиска.

Но доподлинно известно, что сооружался этот шедевр к какому-то юбилею Ильича, и сроки так поджимали, что художник пошел на авантюру. Не дождавшись нужного материала, барельеф головы выложил из кусков разбитого унитаза.

Понятно, что об этом никто не знал, пока на исповеди скульптор не проговорился батюшке, и тайны не проникли в кабинеты власти. Что с этим делать, начальство не знало. Было предложение снести объект, но под каким предлогом? Поэтому все сделали вид, что ничего не знают и даже не догадываются.

Помимо вышеупомянутых архитектурных сооружений, в селе были и живые достопримечательности: местная писательница Анна Перо и борец за справедливость Зоя Кобрина.

Зоя Васильевна, сорока девяти лет, по деревенским меркам была очень красивой. Её безупречную фигуру отличала некоторая особенность: на передние и задние выпуклости можно было поставить ведро, и оно бы не упало.

Правда, до экспериментов дело не доходило, но её параметры на такую мысль наводили. Другая бы от этих достоинств попыталась избавиться, уморив себя голодом, но только не она, которая себя очень любила всякую, и в одежде не прятала, а подчеркивала свои достоинства. Её наряды отличались яркими расцветками с огромными цветами, еще больше увеличивающими объёмы.

Критику в свой адрес женщина не признавала, а человек, сделавший ей замечание, автоматически становился врагом.

Лицо у Зои было малоподвижным, без эмоций. Порой её сравнивали со Штирлицем – все чувства прятались внутри и наружу выходили крайне редко. Поэтому многие не понимали, откуда появилось мнение, тянущееся из администрации, что Кобрина – дама скандальная и истеричная.

Она могла довести до крайности любого, особо не напрягаясь, сказав лишь пару слов. Причем, сама оставалась безмятежной. Первое впечатление от Зои Васильевны обычно было очень даже положительным. Её яркие карие глаза смотрели внимательно, мягко и, если надо, сочувствующе. Хотелось вывалить на неё все свои проблемы, накопленные годами, доверить самое сокровенное.

Она слушала внимательно, уж что-что, а слушать умела, и хорошо всё запоминала. Иногда это пригождалось, когда собеседник вдруг по какой-то причине переключивал в разряд врагов, что бывало довольно часто, учитывая её специфический характер.

Зоя Васильевна не признавала никаких оттенков человеческих поступков – либо чёрное, либо белое: или с ней, или против неё. И еще, – никому не доверяла, в том числе, – себе. На это были причины. Одна из них – её непредсказуемость.

Родилась она в один день с Розой Люксембург, хорошо хоть, не в один год, иначе подготовка мировой революции не закончилась провалом: вдвоём они бы довели идею до конца. Это совпадение в биографии со знаменитой революционеркой, всячески подчеркивала и упоминала, где надо и не надо, парализуя действия неприятелей этой информацией.

Иной сразу задумывался: а есть ли смысл связываться с этой суффражисткой, не станет ли себе дороже? Хотя каждый знает, что диссидентом становится человек, надежды которого по чьей-то вине не оправдались.

В политику Зоя вошла резко и намертво, хоть и по наивности. В местной газете она прочитала объявление о замещении вакантной должности специалиста, в отдел культуры. Ей всегда казалось, что там её ждут. С документами и заявлением она переступила порог кабинета главы.

Но, как оказалось, напрасно. От такой наглости, – именно так прежний глава Скриповкин расценил её действия, – он сначала впал в уныние, а потом в ярость. А возмутила его одна фраза в заявлении – «стрессоустойчивая», в котором карьеристка расписывала все свои достоинства. Сначала он бегал из кабинета в кабинет, тряся заявлением Кобриной и выплёвывая эту ненавистную фразу «стрессоустойчивая».

Казалось бы, покуражился – и забудь! Но это было не в характере мэра. Все поползновения на хлебное место со стороны кого-либо, должны быть пресечены. Этому вопросу было посвящено закрытое совещание, куда были приглашены все органы и Зоин начальник. Была разработана целая стратегия, как испортить карьеристке жизнь.

– Это что за наглость! – кричал Скриповкин, – вот так по-хамски заявлять о себе. Я это место не для кого попало создал, а конкретно под мою сноху. Она ничего не умеет делать, а так и дом рядом, и зарплата хорошая.

С того времени диссидентка по любому поводу любила устраивать пикеты и митинги под окнами администрации. Тогда-то она и объявила, теперь уже бывшему мэру, импичмент. Деревенские не поняли, что она имеет в виду, но из интересу пристроились рядом. Глава тоже не сообразил, поэтому вышел к народу:

– Требуете им-пич-мент, хоть сейчас, – по слогам он произнес незнакомое новое слово.

Зоя обрадовалась столь легкой победе, но тут мэр ее обескуражил:

– Но сейчас у меня его нет. Как появится – всем поровну.

Митингующие обрадовались, даже не пришлось на холоде стоять, главное, пообещал. А для русского человека пообещал – это все равно, что сделал: Ничего не дождешься, но соблюдешь процедуру.

– Вы нас за дураков не держите! – кричала Зоя. – Требую мэра в отставку.

Глава искренне удивился:

– Я на работе пью только по праздникам и почти не прогуливаю, за что в отставку?

Толпа заволновалась, не зная, что делать дальше. С одной стороны мэра все не любили, с другой стороны дома было много дел, и долго стоять рядом с митингующей – не было времени.

– Дай чего Зойка просит, – кто-то выкрикнул из толпы, – холодно стоять.

Бунтарка развернула плакат с требованиями, готовая держаться насмерть, но начался дождь, и буквы на плакате поползли.

Начались преследования. Всех, кто приходил на этот митинг, мэр страдал и призвал такие мероприятия впредь не посещать:

– Я лишу тебя работы, ты у меня нигде не устроишься, – топал ногами и махал руками. Потом, поняв, что это не очень веский аргумент – в деревне работающих было очень мало, большинство – безработные, придумал другую угрозу – выгону из деревни.

Вот это он говорил зря – такие разговоры дважды закончились для него синяком под глазом. Поняв, что этот довод скорее принесет ущерб его официальному лицу, нежели пользу, решил отыграться на местном корреспонденте, на первой странице газеты разместившего фотографию митингующих с соответствующими комментариями.

Пресса – дело опасное. И чтобы упредить дальнейшее желание журналистов лезть, куда не просят, мэр сфабриковал дело.

Он пригласил к себе для разговора корреспондента, а пока тот находился у него в кабинете, в пальто журналиста подложили пакет с коноплей. Вызванный из города отряд по борьбе с наркотиками уложил представителя свободной прессы на пол, заковал в наручники и увел.

Народ одно не понял в этой истории – зачем коноплю собирать в карман, если она всю деревню задавила – не знают как от нее в огородах избавиться.

Впрочем, журналиста, подержав немного в темнице, вскоре выпустили на свободу.

С Зоей Кузькин разобрался почти тем же способом. Сфабриковал на нее дело о мошенничестве. Якобы Кобрина попросила у него денег на строительство приюта для нуждающихся собак, а он, как человек сердобольный, не мог отказать, и вдруг узнал, что деньги были потрачены на колбасу.

Первая мысль у народа была: это сколько же он ей дал на нуждающихся, если только на колбасу хватило? Все говорило о мэровой жадности. Пошли слухи, которые меценату очень не понравились, пришлось сходу придумать другую версию и обвинить во взятках, подкинув на восьмое марта шоколадку. Население пребывало в недоумении. Однако понимало: вот если бы Зойка воровала как некоторые, то отделалась бы легким испугом. А за шоколадку сесть придется.

На Зойку было заведено уголовное дело, и дали ей год условно.

Всё это время глава был спокоен, как никогда, устранив главного диссидента, он тихо почивал в кабинете власти полностью уверенный, что такое спокойствие теперь гарантированно навсегда. Но все же Кобрина отомстила. Она во все инстанции писала письма о кумовстве и воровстве, о том, что прямо у администрации стоит пивной ларёк мэра, где утоляют жажду притомившиеся работники администрации.

Но, как правило, такие ценные кадры убирают с постов путем повышения в должности. Так Скриповкин оказался в министерском кресле, где и досидел до пенсии. Бывший тракторист отвечал за ту отрасль, в которой вообще ничего не смыслил.

Его сменил на посту Пантелеймон Кузькин, человек поначалу неглупый. Внешне он был довольно привлекателен, харизматичен. На приеме с посетителями разговаривал вежливо, если и не выполнял обещанное, зато впечатление о себе оставлял хорошее. В первый год правления показал себя деятельным.

После его предшественника, которому Кобрина помогла сползти с царского трона, на нового мэра народ возлагал большие надежды, появилась вера, что хоть что-то поменяется в

лучшую сторону. Да и избрали Кузькина благодаря программе, в которой предусматривалось избавиться от многочисленных чиновников.

Но когда мэр предпринял первые шаги в осуществлении этой программы, как его тут же пригласили к вышестоящему начальству, где ему доходчиво объяснили ошибочность этого поступка, так как большая часть трудяг администрации – ближайшие родственники теперь, – областного министра.

Для населения ничего не делалось – работы не было, и создавать рабочие места никто особо не стремился. Если появлялся какой-нибудь маломальский бизнесмен, его тут же задавливали налогами и рэкетом. Кузькину это тоже не нравилось. Когда он был всего лишь кандидатом в мэры, а как стал им, тут же стал прислушиваться к мнению не избирателей, а областного начальства.

Поэтому приходилось терпеть постоянное беганье служащих с чайниками из кабинета в кабинет, раскладывание пасьянса на экране монитора, общение их в «Одноклассниках»... Он понимал, что бессилён что-либо изменить. Все это копилось и временами выплёскивалось.

Так появились ежедневные субботники, где разряженные дамы лазали по помойкам и убирали мусор. Некоторые не выдерживали и сбегали с насиженного места, чего и добивался Кузькин.

Но свято место пусто не бывает, тут же его занимало «нужное лицо».

Всю эту суету снимал на видеокамеру прикормленный репортёр по фамилии Мухрай, больше известный в народе как Шухры-Мухры. Потом глава просматривал и отмечал бездельников. Больше всего доставалось тем, кого он среди прочих трудяг не обнаружил, поэтому при приближении фотографа, каждый старался изобразить рвение и предстать крупным планом. Иногда лицо в кадр не попадало.

Поэтому, застигнутые врасплох в нижеупомянутой позе, на прием к мэру входили именно так, неся зад вперед, – для опознания.

Народ радовался, за такие минуты стоило жить. Они еще надеялись, что наступят времена, когда чиновники будут по субботам чистить коровники, раз нечем больше заняться.

Кроме того, мэр находился в постоянном бдении. Дежурные работники администрации обзванивали клуб и соседние кабинеты за неимением других подчиняющихся им объектов и строгим голосом вопрошали:

– Спокойно ли на объекте?

Можно подумать, что если случится пожар или прорвёт канализацию, в первую очередь грудью заслонит от беды ни кто иной, как этот боец невидимого фронта.

Мэр объяснял это просто:

– Граница рядом. Враг не дремлет.

Тогда у населения возникал вопрос:

– Неужели мэр на своих подчиненных надеется больше, чем на всех пограничников России? Может, тогда убрать все войска и поставить в дозор чиновников из Сидристовки. Тогда спать можно будет спокойно.

Но в эту идиллию, как всегда, вовлеклась Зойка Кобрина, и внесла смуту. Народ стал сомневаться. Досидентка взывала на том же постаменте, где всегда руководил субботником мэр:

– Очнитесь! Когда правит отдельно взятый дурак, мнение создается обо всем государстве!

Кузькин из окна кричал, как поджаренный, боясь поговорить с инакомыслящей с глазу на глаз:

– Кобрина, уймись, ты призываешь к свержению. Есть статья.

– Где я призываю? Кто слышал? – насмехалась диссидентка.

– А дураком кто назвал? – вступил в дебаты Кузькин.

– Это Вы сказали. Я Вашу фамилию не озвучивала, – просто издевалась над Пантелеймоном митингующая.

В таких перепалках Зойка всегда выходила победителем.

– С чиновниками в России бороться бесполезно. Когда с ними начинают бороться, их становится еще больше. Отсюда русская народная сказка, – разъяснила народу Кобрина, – отрубил царевич голову Змею Горынычу, а на отрубленном месте еще две вырастают. Оппозиция нужна, чтоб боялись и сильно не нагтели. Вот поэтому у народа всегда появляется Иван-дурак, который вроде и не соображает, когда идет на верную смерть, но, не смотря на все трудности, становится героем.

Мэр не понял:

– Ты что имеешь в виду: я – Горыныч или Иван-дурак?

– Каждый должен определиться внутри себя сам, – философствовала последовательница фэн-шуя.

У мэра поехал фасад:

– Иди отсюда и философствуй у себя на кухне. Постамент не для тебя строили, и нечего тут торчать, население возмущать.

Народ, видя, что про него уже заговорили верхи, стал стекаться к месту трибуны.

– А ты, избранец народный, сегодня есть, а завтра нет. Отчитайся, что ты хорошего сделал для села, только не путай – село отдельно, ты-отдельно, – размахивала рукой Зоя.

Мэр в негодовании вылез из форточки подальше, чтоб виднее было. Но достойного отпора народ не дождался: мэр застрял. Опасаясь стать посмешищем, он руководил секретаршей, чтобы та побыстрее его втянула в комнату, было очень щекотно и мэр заливался смехом.

– Ты еще смеяться над избирателями будешь? – гневно произнесла Зойка. – Народ, он над нами смеется? Ему смешно, что мы не доедаем, не доживаем...

На аппаратных Кузькин работал на публику, орал так, что местные собаки закрывали лапами уши и затаивались в будках, боясь лишний раз напомнить о себе.

Работники быстро освоили эту манеру поведения мэра и стали точно также беседовать не только со своими подчиненными, но и с посетителями, что не могло нравиться населению. Стоило кому-то пожаловаться, как все объединялись, и начиналась травля недовольного. Сюда подключалась прокуратура, полиция, фабриковали уголовные дела.

И человек вынужден был либо покинуть свой дом, либо забыть о правах и помнить только свои обязанности. Так случилось и с Кобриной. Поначалу Зоя пошла на прием к вновь избранному главе выразить свою лояльность. Тот принял и, пообщавшись, сделал вывод, что женщина она умная, таких кадров ему как раз недоставало.

И даже захотел увидеть её в кресле своего зама вместо семидесятилетней Воробьиной.

Не успел он озвучить это, на совещании, как тут же последовал звонок из областного министерства. Главе указали от Зои Кобриной держаться подальше, ибо она – угроза власти. В дальнейшем мэр уяснил, что ни кадровые решения, ни какие другие, без согласования принимать нельзя. Так что роль его заключалась в том, чтобы уметь хорошо принимать комиссии.

Зоя, надеявшаяся, как и все, на перемены, вскоре поняла, что новый стал достойным преемником бывшего мэра. И терпеть этот факт она не собиралась. Кузькин, чем больше оставался на этой должности, становился все увереннее, что это продлится вечно, что теперь он – глыба, которую не сдвинуть.

На избирательных участках рисовали как надо, понимая, что если к власти придет диссидентка, то не будет слушать советы от высокого начальства и разгонит всю администрацию.

Всё чаще мэр страдал показать «Кузькину мать» всем недовольным, на что народ сильно удивлялся: они её и так хорошо знали: не красавица, но и не сильно страшная.

Зойку всегда бросало из стороны в сторону, как щепку в море. Однажды, она со всего маху увлеклась новым учением. Накупила книг и обустроила дом с учетом рекомендаций фэн-шуя, на сале перекатив всю мебель в нужные места.

На окнах у нее торчали в цветочных горшках зеркала, на дверях звенели колокольчики, вся мебель была заставлена слонами и жабами с монетой во рту. Она стала не похожей на себя – всё время перераспределяла в себе энергию.

Вот и на очередном митинге Зоя Кобрина, когда ей доверили сказать речь, что-то мям-лила. Видно было, что изнутри ее распирает, но то, что снаружи, – сдерживает. Так в ней боролись два начала – добро и зло. Народ, привычно ходивший на подобные шоу, в этот раз разочарованно стал расходиться.

У смутьянки на шее висел колокольчик, на руке гирлянда из слоников, на уровне зада прикреплены два зеркала – отражать плохую энергетику.

Если говорить о политическом портрете Зои, то это была очень чистая личность, не запятнанная пребыванием ни в одной зарегистрированной партии, когда – либо существовавшей. Но колебания и симпатии нет – нет, да пробивались, и Зойка числилась сочувствующей почти по всем партийным спискам, хотя и там долго не задерживалась за вредные высказывания.

Она своим ехидным умом тут же обнаруживала несоответствие между Уставом и действиями и, чтобы партия не развалилась, от неё старались побыстрее избавиться, потому что ее крамольные речи начинали будоражить усыпленные мозги однопартийцев, и те начинали задумываться и задавать вопросы.

Глава 2

Чтобы понять, что из себя представляла та, на чью должность покушалась Кобрина, достаточно было побывать хотя бы на одном мероприятии, организатором которого она являлась.

Заместитель мэра по социальным вопросам Воробьихина Лариса Вадимовна карьеру сделала еще при прежнем мэре, – Скриповкине. Поговаривали про разные там шуры-муры, иначе народ никак не мог понять, как такая специалистка как она, которая люто ненавидела людей, а инвалидов, – особенно, могла занимать этот пост.

Проработав в зоне, она по привычке так же обращалась с остальными, не изменила своим привычкам, даже работая заведующей в детском саду. Только и слышно было:

– Твоё место на параше, – в случае недовольства педагогическим составом или детьми.

Причем это было самое культурное выражение, которое она знала. На голове у этой дамы неизменно красовался парик, похожий на вздыбленную мочалку. Ни для кого не было секретом, что парик скрывает металлическую пластинку после операции. За что она получила этот удар по голове, было понятно, но кто это сделал, – так и не выяснили, хотя и догадывались.

Лариса Вадимовна была очень мстительной и злой. Когда она смотрела на человека, то её взгляд напоминал взгляд очковой змеи. Но даже змея была менее опасна, чем дама, отвечающая за милосердие в этой деревне. Видимо, о силе своего взгляда знала, поэтому носила темные очки, чтобы ненароком кого не испепелить.

Концерт вела Сельпо Ивановна, сноха предыдущего мэра, она очень ценила в себе все, что дано было ей природой, и не замечала, что природа не слишком была щедра, особенно по части таланта. Тем не менее, поняв, что от публики благодарности не дождешься, запустила про себя байку, что ее сравнивают по вокальным данным с самой Гундосовой, примой областной столицы, и называют не иначе как «Сидристовский соловей», хотя услышав её пение, кто-то заметил:

– Моя собака лучше воет!

Многие думали, что Сельпо – это сценический псевдоним, но заблуждались, ибо это было настоящее имя по паспорту. Своим необычным именем она обязана дедушке. Местная байка гласит, что когда старик лежал на одре, родилась в их семье девочка. К отходящему в мир иной родственники привязались:

– Скажи последнюю волю, как ребенка назвать. Как скажешь, так и назовем.

Но дед, видно, думал совсем об ином и еще на этом свете хотел себя побаловать. Слабеющей рукой он бил себя по горлу и хрипел:

– Сельпо, сельпо, – намекая на сельский магазин и стакан водки на посошок прежде, чем отправиться в последний путь.

Родственники удивились столь странным причудам деда. Но, так и не поняв, чего он хотел прихватить с собой в последний путь, назвали ребенка Сельпо. Кстати, в этой деревне, где называли население, кто во что горазд, это имя ни усмешек, ни удивления не вызвало – имя как имя-ничего особенного.

Сама же примадонна рассказывала, что имя это из одной оперы (немного перепутав Сельпо с Сольвейг) и означает оно с древнегреческого «поющая во мраке ночи». Хотя многие были уверены, что при переводе имени в слове «поющая» перепутана вторая буква, и скорее всего это был мягкий знак.

– Исполняются песни ансамбля «Биталз» под названием «Естуды». – Поняв, что на остальных названиях песен с английским не справится, добавила:

– И другие английские песни. Автор Пол Макартни? Извините, здесь, видимо, отпечатка, почему половина Макартни. А где весь? – и обратилась к сценаристу через весь зал. – Испол-

няется впервые. Аранжировка знаменитого местного музыканта и композитора, автора музыкальных композиций «С мэром в грядущее», «Шел отряд на выборы», «Сидристовка и мэр неразделимы», и заодно постоянное доверенное лицо нашего дорогого, уважаемого, незамеченного, чмоки-чмоки от населения, Пантелеймона Ивановича, Федор Скунькин.

Лариса Вадимовна не могла в принципе быть бедным человеком, но вид у неё всегда был затрапезный, а её привычка занимать у всех деньги и вовремя не возвращать, стала анекдотом. То, что она попивала, знали все, оттого организация сабантуйчиков и фуршетов было её любимым делом.

– Сейчас на сцену выйдет наша дорогая Лариса Вадимовна, защитница хилых, убогих, всяких уродов, – радостно аплодировала своей мудрости Сельпо Ивановна, главный специалист отдела культуры.

Затем выходила Воробьихина, произносила долгую речь не понятно о чем. В малом зале накрывались сколоченные из не струганных досок столы, на которых, как правило, выкладывались с просроченным сроком годности конфеты и пряники, доставленные из её собственного ларька.

За этот ларёк она однажды чуть не лишилась должности. Когда проходили реформы при перестройке, в магазинах не было никакой еды. Стала поступать гуманитарная помощь из-за границы. Тогда и возник ларёк, где эту гуманитарную помощь продавали малоимущим за очень даже приличную цену.

Как водится, написали жалобу президенту, он отфутболил её рассмотреть на месте. И она рассмотрела как надо.

Вот и теперь пенсионеры пытались разгрызть хоть что-нибудь из лакомств. Некоторым удавалось. Воробьихина змеиным взглядом сопровождала каждый взятый кусок, все время намекая на дверь. Как назло пенсионерам понравилось общаться друг с другом, и они не торопились.

– Выводи по одному, – шипела начальница подчиненной.

Столь же тактичная специалистка по культуре стала без лишних церемоний выпроваживать приглашенных. Едва закрылась дверь за последним, как Лариса Вадимовна и Сельпо Ивановна набросились на остатки пиршества, сгребая их в приготовленные сумки. На столе остался лишь один пряник с застрявшей в нем вставной челюстью. Похоже, именно из-за челюсти один вредный пенсионер все время пытался стащить этот пряник и упирался, хватаясь за стол и стулья, когда его выпроваживали с чаепития. Так уж оказалось, что на это лакомство одновременно легли руки организаторов пиршества, каждая норовила завладеть им.

– А не кажется ли вам, Сельпо Ивановна, что вы не соблюдаете субординацию? – упрекнула заместитель по социальным вопросам свою подчиненную.

– Я первая за него схватилась, – не уступала работница культуры.

Перетягивание пряника с зубами перешло уже в спортивное состязание: уступать никто не хотел. Воробьихина, женщина мощной комплекции, стала разжимать ладонь специалистки. Фигура Скриповкиной была в два раза меньше, тем не менее, она сопротивлялась. Чувствуя, что кусок вот-вот от нее уйдёт, стала пинать начальницу, которая рассвирепела и дала Сельпо Ивановне оплеуху, от которой у той посыпались искры из глаз.

– Ах, так! – заорала работница культуры, – и в прыжке сорвала парик с заместителя по социальным вопросам.

Началась настоящая драка, причем пряник попеременно переходил из рук в руки, скалясь зубами.

– Да пошла ты, старая кошелка! Я сноха бывшего мэра! – кричала Сельпо.

– А я его бывшая фаворитка! – аргументировала Воробьихина.

– Такое чмо – и фаворитка? – не могла поверить Скриповкина.

– На себя посмотри, тоже мне красавица! – разозлилась Лариса Вадимовна.

За дверь уже собралась толпа, наслаждаясь шоу. О том, что начальство бьётся за объедки ни для кого не было секретом. Интересно было, что во время драки скажут и кто победит. Вскоре дверь пинком открыла главный специалист по культуре, следом за ней неслась заместитель по социальным вопросам, поправляя на ходу порядком потрепанный парик.

На столе остался лежать разломанный на части пряник, рядом скалилась челюсть.

Отдел культуры, который в обиходе назывался министерством культуры, а его начальник – министром, как водится, создавался под конкретных людей. Ни о каком профессионализме речь здесь не шла, наоборот, он считался нежелательным.

Через отдел культуры, как правило, отмывались деньги. Кто сможет проверить, сколько средств ушло на проведение мероприятия, если мэр и его приближенные заставляли все оплаты производить только через их ларьки и магазины. Поэтому ничего удивительного не было, когда цена на счете в несколько раз превышала приобретенное.

А разница уходила по назначению. Конечно, и специалисты должны трудиться такие, которые могли закрывать на все эти махинации глаза. Харин идеально подходил на свой пост: ему не приходилось притворяться, что он ничего не замечает, а уж что касается глаз, то они редко раскрывались полностью: весь мир он видел через призму бутылки.

Начальник отдела культуры Харин Михаил Георгиевич по прозвищу Харя внешне напоминал ошибку природы. Всё в нём было какое-то вытянутое, начиная с лица. На щеке красовалась огромная бородавка. Лет ему было не больше сорока пяти, но выглядел из-за своего образа жизни на двадцать лет старше.

В спокойном состоянии его никто никогда не видел, все его части тела постоянно находились в движении – глаз моргал, щека дергалась, руки тряслись.

Главная специалистка тоже в этом плане была человеком надежным. Все мероприятия проводила только сама, но не оттого, что очень любила работать, просто в этом была своя корысть. Она покупала дорогие призы, все по той же схеме, и эти призы оставались в семье, потому что по странным стечением обстоятельств, все призовые места на конкурсах доставались ее детям – безголосым и не очень умным.

На вид это было убогое существо – мышинного цвета очень жидкие волосы, маленькие пороссячи глазки, рост чуть больше горшка. Но попробовали бы ей сказать, что кто-то красивее, начиналась месть и интриги. Если она ставила себе цель, то средств к её достижению не выбирала: надо, и шла по головам и трупам.

Как-то про нее сказали: «Склизская она какая-то», и это слово наиболее отражало всю сущность Сельпо Ивановны. Однако, при всем при этом Скриповкина пять раз побывала замужем, в конце – концов сделав удачную партию.

В первый год правления, начальник отдела культуры стал хозяйским глазом оглядывать свою вотчину. А так как в его подчинении был только один недвижимый объект – полуразвалившийся клуб, то он решил заняться им – усовершенствовать работу, сделать прибыльным. А что могло стать преткновением к прибыли? Ясное дело, – библиотека.

К слову сказать, книг начальник этот не любил с детства, память была еще жива, когда его хворостиной мать гнала взять на лето заданную литературу по внеклассному чтению, когда родители в пример ставили соседних пацанов и девчонок, самостоятельно посещающих ненавистное ему учреждение. Вот теперь, где мог свои обиды детства реализовать на практике. И хоть библиотека занимала не самое шикарное помещение, главное было не в этом.

Как всегда со свитой: директором клуба и Сельпо Ивановной, не здороваясь, прошел в библиотеку.

– Здравствуйте, – поприветствовала заведующая.

Начальник отдела культуры никак не отреагировал:

– Значит, так, – давал указания своим чиновникам, – вот это все выбросить, а на этом месте установить шест – без стриптиза народ не пойдет. Там будут игровые автоматы, здесь – стойка бара.

Библиотекарь смекнула, что происходит:

– А где библиотека будет находиться? – робко поинтересовалась она.

– Нигде. Это уже устаревшая форма. Компьютер все заменит. Книги не нужны. Вопрос не обсуждается, это распоряжение мэра, – обрадовал Михаил Георгиевич.

– Глава сам это придумал или Вы поспособствовали? – возмутилась Миледи Павловна.

Целый день библиотекарь рыдала, читатели с испугом поглядывали на нее и пытались приободрить.

Вдохновенная, библиотекарь решила действовать: что толку тоску на себя нагонять.

На двери Миледи написала объявление:

«Объявляю голодовку в связи с ликвидацией библиотеки».

Слухи об этом полетели со скоростью урагана по деревне. Народ стал стекаться к месту скандала. Каждой, вновь прибывшей партии любопытствующих, она рассказывала о причинах, побудивших ее пойти на верную голодную смерть. Даже никогда не читавшие в этом очаге культуры, искренне рыдали – так проникновенно звучала речь библиотекаря, из которой следовал вывод, что уничтожение библиотеки приведет к неизбежному – падению нравственности, к безграмотности, деградации человечества.

Местная баптистка Федора стала петь псалмы, предрекая конец света.

Не пропустившая ни одного скандала, появилась местный борец за социальное равенство – Зоя Кобрина.

В деревне Зою хоть и считали скандальной личностью, но знали, что в случае каких проблем, не терпящих отлагательств, понадеяться можно было только на неё.

Одно время в деревне был бум по присваиванию вычурных имен своим новорожденным, поэтому Дездемона и Миледи – это не самые сногшибательные имена, в соревнованиях некоторые додумались до таких имен, которые в других ЗАГСх просто не стали бы регистрировать, но не в Сидристовке.

Там секретарь Сельсовета тоже не лыком была шита и дала своему ребенку имя Конспирация, немного перепутав с главной героиней «Трех мушкетеров» Констанцией, оттого охотно понимала желание родителей как-то своего ребенка выделить из толпы. Поэтому в деревне были имена в зависимости от начитанности и интереса родителей: Титаник, Антимония, Перфорация и даже Вилли, Изаура, Педриньо, Мэйсон. И только малообразованные или безразличные давали своим детям имена по старинке – как всем.

Самым людным местом в деревне была библиотека, там можно было культурно пообщаться, не на лавках же сплетни собирать, так считали многие, да и с умным человеком поговорить не лишне. Своего библиотекаря односельчане очень уважали за поступки.

Внешне – мышь безобидная, но другое дело – мышь она тихой сапой свое добудет, хоть ори, хоть топай на нее, кто знает, что в этом тихом омуте сокрыто, хоть и не похожа на героиню романа Дюма, в честь которой её назвали. Миледи до беспамятства любила свою работу, поэтому могла пойти в случае угрозы на любое устранение помехи.

Кобрина не осталась в стороне, вновь заявила о себе, как о борце с беззаконием. Всю власть в проведении голодовки она взяла на себя. В центре внимания голодающая находилась более получаса. Проглотить хоть кусочек тайком под таким пристальным вниманием прессы вряд ли получится. Из представителей власти никто не шел.

Зато библиотекарь была, как всегда немногословна и уверена в себе, что спокойно продержится дня три-четыре без еды. Еда в ее жизни не занимала почетное место.

Наконец, появилась делегация чиновников. Впереди шла Воробьихина с белым флагом.

– Капитулируют, – подумала находившаяся в полуобморочном состоянии от голодовки Зойка.

Зачем понадобился флаг, так никто из сельчан и не понял, может быть, решили, что по ним будут стрелять? Так этот факт в истории Сидристовки остался неисследованным.

– Мы к Вам с доброй волей, – выставив вперед ногу, по бумажке стала читать замша мэра, видимо, написанную им речь. – Мы предлагаем мир во всем мире. – Сопровождавшие её лица, лихорадочно зааплодировали. – Мы идем на ваши условия и не убираем библиотеку, пока не построим для нее новое помещение.

Все опять суетливо захлопали в ладоши.

– Подпишите договор капитуляции, – протянула какие-то бумажки чиновница.

Зоя внимательно прочитала, ничего такого, что бы настораживало, вроде бы не наблюдалось. Она подписала.

– Товарищи, – крикнула диссидентка, – мы своим единством добились победы. Я скиталась по тюрьмам и ссылкам по клевете и наветам мэра, но час грядет, и скоро все будет по-другому.

И Зойка во всю глотку запела «Марсельезу».

Больше всего в этой истории мэра удивило именно поведение библиотекаря, от которого он такого фортеля не ожидал. Эта история докатилась до вышестоящего начальства, а начальник отдела культуры кое – как сохранил свое рабочее место, чего не скажешь о репутации – ее и так не было, а тут не добавилась.

Глава 3

Сельский дом культуры, в обиходе – клуб, представлял собой жалкое зрелище, однако радовало и это.

Дежурная этого очага культуры, Анна Петровна увлеченно что-то писала в своем блокноте. Все женское население с нетерпением ожидало продолжение романа.

– Ты только без страданий закончи, а то девку сильно жалко-графининову невесту, я в прошлый раз обрелась вся, когда граф с утеса свалился, потерял память и про невесту не вспомнил, – переживали читательницы.

– Не знаю – как уж получится. Творчество – такое дело, как накатит, под настроение, – уцепившись за вдохновение, строчила мастер слова.

Петровна – местная знаменитость, писательница. Имея за душой всего семь классов образования и стойкие убеждения старой девы, умудрялась писать женские романы, от которых рыдали все ближайшие деревни. А дело было так.

Как-то к дежурной подседа местная библиотекарь и пожаловалась, что денег на покупку книг не выделяют, а читателей требуют. Не будет же постоянный читатель за одной и той же книгой годами ходить. Вот и поговаривают о том, чтобы библиотеку за ненадобностью закрыть.

– Вы представляете, Анна Петровна, – рыдала Мила Павловна. – Требуют рост показателей: на нашу библиотеку спустили план 978,57 читателя.

Петровна, как творческая личность чуть не упала в обморок, произнеся синеющими губами:

– А 57 сотых – это что? – мысленно уже представив картину расчленёнки. – Да, на что не пойдёшь ради профессии.

Будущий беллетрист забеспокоилась:

– Как это так – библиотеку закрыть! Что можно сделать?

– Ничего. Денег на книги нет. Не будем же мы сами романы писать, – вздохнула заведующая библиотекой.

– А почему бы и нет! – воодушевилась дежурная. – Что сейчас читает народ?

– Женщины-романы и детективы. Мужчины – фантастику и боевики, – ответила Миледи Павловна.

– Ну, в боевиках я пока не сильна, а женский роман – запросто. И будешь, как книги выдавать, – загорелась начинающая писательница.

Тогда затея показалась смешной и наивной. Но каково было удивление библиотекаря, когда через неделю Анна Петровна сделала презентацию первого романа под псевдонимом Анна Перо.

Все романы дежурной были явный бред, но их любили безумно, потому что в них всегда описывались невероятные события. Как, например, в предыдущем романе одна доярка по комсомольской путевке поехала за границу, там согрешила и с позором вернулась в деревню.

Но через двадцать лет, вдруг, получает известие о том, что ее соблазнитель, ни кто иной, как английский лорд, а так как у него нет наследников, то все свое имущество он завещал единственной дочери, работающей на свиноферме. Теперь девушка, у которой не было женихов, вдруг становится лакомым кусочком для проходимцев наподобие сельского гармониста Лехи, вдруг восплававшего чувствами к богачке.

Все бы ничего, но события происходят в девятнадцатом веке, когда комсомол даже не зародился. Однако никого этот политический казус не волновал – захватывали чувства. Каждая мечтала о том, чтобы по молодости ее маманя не была столь целомудренна, и случайно дитя любви вдруг оказалось дочкой богача.

Но, увы, большая часть читательниц блюла верность своим далеко не идеальным и не отягощенным тяжелым кошельком и интеллектом супругам, а если и происходил адюльтер, то, не выезжая за пределы деревни, где не ступала нога иностранца.

Периодически литераторша устраивала презентации глав из романа. А библиотека, как ни странно, стала пользоваться огромным спросом, где на отдельной полке были выставлены шедевры местной знаменитости.

Все книги Анны Перо проходили на «ура», читатели особо не заморачивались, лишь единственная стародавняя подруга Мария Семеновна выступала в роли критика и придиралась по мелочам. Сочинительница понимала, что терпеть критику – судьба творца, хотя на цензуру особо не реагировала. Не успела писательница поставить последнюю точку в отношениях графа и красавицы, как зазвонил телефон.

– Дом культуры слушает, – привычно ответила дежурная.

– В своем последнем романе ты пишешь: «в самый неподходящий момент у графа зазвонил в штанах сотовый телефон. – Никакой личной жизни, – подумал граф», – процитировала строки из романа прозаика упомянутый цензор.

– Что тебя не устраивает? – возмутилась писательница.

– Ты про какой век пишешь? – ехидным голосом поинтересовалась подруга.

– Наверное, про пятнадцатый, – неуверенно произнесла автор.

– Какие телефоны, тогда телефонов не было! – обрадовано воскликнула Семеновна.

– А ты откуда знаешь? – вкрутила привычный аргумент писательница-ты что, жила тогда? А если не жила, как можешь говорить об этом?

– Но ведь это общеизвестный факт, – пояснила цензор.

– Ты мне тогда тоже говорила: «Лучше отправь сало, они там голодают». И что? Тоже в газетах писали про загнивающий капитализм.

Писательница всякий раз напоминала эту историю глубокой юности, когда в чем-нибудь не соглашалась с подругой. Когда-то, еще, будучи пионерами, они переписывались с детьми из разных зарубежных стран, тогда это называлось «Клуб интернациональной дружбы». Будущей писательнице досталась девочка из Чехословакии.

Они написали друг другу письма, отправили открытки с видами своих стран. Пионерка отправила с видом Кремля, не могла же она зарубежной подруге отправить виды села Сидристовка с коровами и свиньями, пасущимися на газоне главной сельской резиденции. И вскоре девочка получила из-за границы посылку.

Чего там только не было: конфеты, книжка про Чехословакию, а главное, – нейлоновая кофточка ярко-синего цвета. Когда будущая писательница пришла в ней на уроки, ее, конечно, выгнали домой переодеться в школьную форму, но сколько было зависти у девчонок! Домой приходили потрогать это чудо буржуазной промышленности.

Повыбрав в кофтенке, девочка стала гадать: что же отправить в ответ? То, что носили мы, иностранка не оденет. В такой задумчивости и застала ее подруга.

– Чего тут думать? Папа сказал, что голодают они, в газете читал. Кофты делают, а вот насчет еды у них беда. Папа сказал, надо людей уважить и отправить хороший шмат сала.

На этом и порешили. Больше писем не было.

– Наверное, сала мало, надо было побольше, – подумала пионерка и благополучно забыла этот эпизод своей жизни, но как оказалось, ненадолго.

Как знатным дояркам, ей и подруге, комсомол выдал путевки в Чехословакию. Подруга на всякий случай повесила себе на шею мешочек сухарей, чтоб совсем с голоду не умереть, взяла две бутылки водки – поменять на еду, в общем, была готова к страшному. Наконец они оказались в Праге, первым делом не в музеи рванули подруги, а в магазины – убедиться, что полки пустые.

Но тут с подругами случился шок. Мария насчитала более ста наименований колбас. Продавщица нервничала и злилась. Так будешь от чего: туристка просила от каждой палки колбасы отрезать по малюсенькому кусочку и смаковала прямо там. Видя, как казна с каждым ломтиком колбасы уменьшается, Анна возмутилась и за шкирку утащила подругу из магазина.

В то время за границу разрешалось брать только тридцать рублей, поэтому особо шиковать не приходилось в отношении еды, зато на эти деньги можно было купить очень много вещей. Петровна тогда привезла себе: парик, туфли, джинсы, пальто, косметику.

Подруга же половину средств потратила на запросы унитаза – пробовала съестное, а на остатки купила красивый купальник. Когда все увидели, чуть не умерли от зависти, но где та приобрела сей писк моды, обладательница шедевра, или, правда, не запомнила магазин, или не хотела говорить, чтобы только у нее одной был такой.

До жути гордая, Семеновна первым делом по приезду кинулась в речку Сидристовку, хоть там воды – свиньям по шейку. Легла в речушку и ждет завистливых вздохов, но вместо этого хихиканье. Глянула, а купальник исчез. Она его на теле ощущает, а его будто нет. Быстро на себя халат накинула да бежать от позора.

Вот и теперь, когда Семеновна пытается чему-то научить писательницу, та припоминает эту заграничную поездку. Тем не менее, раз критик должен быть, так уж лучше пусть она: иногда умное советует.

– Вот ты тут пишешь: «Граф неся на коне, закусив удила, что грязные пятки сверкали...»

– И что тебе не нравится? – отстаивала каждое слово автор.

– Не могут у графа пятки быть грязными, – прокомментировала читательница.

– Так я не о нем, а о лошади, – пояснила писательница.

Наступило долгое молчание.

– Ты хоть поняла, что сказала? – наконец, пришла в себя цензорша.

– А что там не так? – потребовала разъяснения автор любовного романа.

– «Графиня нехотя с легкостью накинула на себя пояс верности, следуя средневековой моде», что это? – возмущенным голосом произнесла Мария Семеновна.

– А что тебе не нравится? Мода тогда такая была, – не поняла возмущения подруги Анна Перо.

– Не нравится слово «накинула». Изобретение килограммов пять весило. Это не деталь пеньюара, а железное сооружение, – пыталась вразумить умудренная опытом подруга.

В отличие от подруги, Мария Семеновна помнила, что собой представляет пояс верности. В молодости ей удалось побывать на экскурсии в немецких и французских замках. Конечно об этом она по приезде рассказывала Анне, но одно дело услышать, другое – увидеть. Поэтому в книгах романистка руководствовалась скорее фантазиями, нежели историческими фактами.

– Зато так понятнее, – не сдавалась Петровна.

– Далее ты пишешь: «Старый граф думал, что только он владел кодом пояса, но однажды в бреду, когда упал с лошади, проговорился доктору, и вскоре доступ к телу графини имел каждый...» Это ужас! – добивала автора критик.

– Что тут не так? – возмутилась Анна Петровна.

– Какой код? – втолковывала ей подруга.

– Как на двери в подъезде, что в городе ни разу не была? – развеселилась писательница.

– Петровна, ты меня доведешь до сердечного приступа! – заохала Мария Семеновна.

– Сцена расставания потрясла? – попыталась угадать Анна Перо.

– Ты меня потрясла! Придумать такое! Не было в то время кодовых замков! – не на шутку разнервничалась читательница.

– А как закрывалось? – удивилась старушка.

– Ключом, а то и вообще не открывалось, – разъяснила она.

– Ну ты придумашь! А как колготки, трусы переодевать, – не согласилась Анна, – не будет же она в одних ходить, пока муж с войны не придет.

– И колготок тогда не было, – пояснила Семеновна неразумной подруге.

Наступило долгое молчание. Наконец Петровна откликнулась:

– Только не это! Как же она, бедная, жила без колготок! Срам – то какой!

Избавило от дальнейшей критики только появление начальства.

Если бы мэр заглянул своему страху в лицо, то он точно бы знал на кого оно похоже. Кузькин побаивался начальство, но такой ужас, как Зойка Кобрина довелось испытать не каждому. Она делала постоянные попытки испортить ему так хорошо складывающуюся политическую карьеру, кто знает, если дело сложится, так еще в Кремле сидеть будет.

Но имея такую змею под боком, похоже, сидеть придется в другом, – менее приятном месте, к тому же долго.

Не каждый знал, как он ее боялся: во время митингов из шкафов создавал баррикады у двери, чтоб враг не прошел.

У Зойки была тайная тяга освоить еще одну профессию-папарацци. Столько компромата на мэра не было ни у кого. Кобрина постоянно выступала на выборах его оппонентом.

Чтобы собрать побольше сведений и фото-доказательств об аморальной жизни мэра, Зоя больше околачивалась возле его ббб объекта, чем в собственном доме. Однажды она этот компромат продала конкуренту, но тот не воспользовался им, потерял его или выбросил.

В этот раз диссидентка решила окончательно разделаться с врагом народа. Узнав, что собирается сходка в сауне, Кобрина вооружившись видеокамерой, во что бы то ни стало решила проникнуть в обитель Зла.

Полтора километра, чтобы остаться незамеченной, ползла по-пластунски. Охрана не выставлялась – мэр был очень самонадеянным, оттого и потерял бдительность. Но как бы то ни было, папарацци спокойно пробралась в бассейн и стала ждать. Специально сшитые трусы с карманом для дополнительного аккумулятора чуть не погубили все дело.

Когда мэр с “девочками” наконец-то появился, папарацци уже сидела в воде в засаде, на голове для маскировки красовалась буденовка, а подводная маска усиливала секретность.

Намокшие трусы от тяжести стали плавно спускаться на колени. Разведчица не знала, что делать – держать трусы или видеокамеру. Дело оказалось важнее. Только позже, найдя Зойкины опознавательные знамена с отягчающими обстоятельствами в кармане трусов, мэр понял, что опять влип.

Тем не менее, отснятого материала хватило, чтобы повесить на доске «Их разыскивает полиция» фотографии градоначальника с шайкой в руках. Рядом плюхались, как он потом объяснил, племянницы из города. Отвисшее пузо не эстетично, но выгодно прикрывало все, что не предназначалось для посторонних глаз. Внизу под фотографией надпись «Они мешают нам жить»

С такой подмоченной в прямом смысле репутацией, не один министр слетел.

Тогда он решил сделать тактический ход – пригласил Зойку на переговоры.

Кобрина была для мэра как хроническая болезнь, когда знаешь, что это с тобой до конца. Глава пытался подкупить Зою: делал выгодное денежное предложение – отказалась. Приказал собрать на неё компромат: ничего не нашли. Кузькин плакал от бессилия и злобы.

Глава 4

Мария Семеновна еще бы критиковала автора романтических историй, если бы в это время на пороге не появились директор клуба и начальник отдела культуры.

Дежурная перепугалась, что её застали за разговорами на служебном телефоне, и тут же придумала, как отвести гнев начальства: перевести на другую тему.

– Евгений Викторович, я нашла чей-то сотовый телефон.

Стоящий рядом начальник отдела культуры Харин сморщился:

– Никакой субординации, дежурная в присутствии начальника лезет с вопросами. Что, потом нельзя спросить или сказать, что там?

– Да вот, – со страху трясущимися руками женщина стала шарить по карманам халата. – Был где-то здесь, похоже, дорогая вещь, кажется, в музее или библиотеке потеряла. Коль заняты, потом приду. Может, в сейф к Вам положить, а то мало ли что.

Харин откровенно нервничал.

– Видно, перед запоем, – подумала женщина.

Чтоб не нервировать его начальственное величество, дежурная ушла искать потерянную вещь.

– Надо было при Харине разговор затевать! – корила она себя, – цари себя проще ведут, а в этом столько спеси, прямо небожитель какой-то.

Евгений Викторович Дятлов был личностью незаурядной. «Всю свою жизнь отдал армии», – такое пафосное выражение он употреблял везде, где надо и не надо, чтобы придать большую значимость своей персоне. А на самом деле прапорщик просидел на складе, получил пенсию и в расцвете лет подался искать себе работу.

То что ему предлагали, его не устраивало – там надо было работать, а военный всегда в тайне мечтал стать генералом, а значит командовать. Такая должность подвернулась совершенно случайно – директором в клуб. Вроде и заработок там не ахти какой, зато то там, то сям себе сэкономишь, да и всегда нужен начальству – организовывать фуршеты он мастер.

Коллектив, как назло, попался вредный – одни бабы, никакого порядка, никакой дисциплины. И решил директор в отдельно взятом клубе установить военный режим.

Первым шагом к организации дисциплины в рядах работников культуры была добытая с военных складов анкета. Директор сделал построение и приказал заполнить эту анкету каждому работнику. Если бы все эти графы были заполнены с учетом требований и без обмана, то работать в клубе было некому, даже уборщицы не соответствовали-родственники были за границей – в СНГ, порочащие связи имели все.

Дятел долго и нудно мог читать наставления, придирается по любому поводу и без повода, измышлять несуществующие пороки своих подчиненных.

Самая текучка кадров началась именно в этот период: с азартом занимался воспитанием подчиненных: орал и писал приказы. Директор бешено вращал глазами, изображая гнев, и топал ногами. Попытка наладить дисциплину провалилась, – никто не соглашался работать бесплатно и без выходных.

Не удивительно, что эти два человека, – мэр и директор клуба, – понимали друг друга с полуслова. Они и разговаривали друг с другом полусловом: Кузькин обходился тремя буквами, директор, молча вытирая вспотевший лоб, выполнял беспрекословно любые распоряжения начальства и уже на языке мэра давал команды строптивому коллективу.

Исполнитель Дятел был исключительный, таких еще поискать. Как-то к приезду дорогих (для бюджета деревни) гостей, мэр приказал у единственного учреждения культуры, чтобы все было цивильно, заасфальтировать и разбить клумбы. Директор клумбы разбивал с усердием. Все бы ничего, но дело происходило в феврале месяце.

И вот, – приезжает делегация, а у клуба ярко цветущая клумба из замороженной герани и восковых цветов. И все так напоминало свежевывырытый уголок забвения. По всей видимости, почившим так или иначе был не кто иной, как сам мэр, потому что усердный директор малость перестарался и в центре свежевскопанного установил на палке портрет улыбающегося главы.

Кузькин всегда считал работников культуры дармоедами и приказал директору – делать платные услуги. Что это такое, Дятлов представления не имел, но перечить не решился.

Единственное, с чего можно было сорвать куш, – это дискотеки. Прапорщику как-то доводилось проводить солдатам танцы, поэтому понятие, что это такое, директор имел, с его точки зрения, – четкое. Сам подобрал репертуар, а то чёрти – что крутят. И началось!

Молодежь не поняла, как так получилось: шли на дискотеку, а попали в армию. Кто-то в панике стал пробираться к двери, шаря глазами в поисках военкома. Директор перехватывал дезертира и устанавливал в центре зала.

Перед дискотекой он сказал речь. На сороковой минуте кто-то не выдержал и уже стал проситься домой, причитая и зарекаясь ходить на любые мероприятия, не связанные с семейными праздниками. Дятел во время лекции демонстрировал, какие движения в танце запрещено показывать, так как они с его точки зрения дискредитируют образ молодого человека развивающегося капитализма.

Кого-то ломало в истерике от такого развлечения, но директор был непреклонен. Доведя нужную, с его точки зрения, информацию, он включил популярную запись мэтра эстрады шестидесятых годов. Народ стал нервно выпрыгивать из окон. Для оставшихся директор давал команды:

– Ать-два, левой-правой! Выверт направо, выверт налево! Строем пошли!

Евгений Викторович подлетел к танцующей паре, не замечающей ничего вокруг:

– Отставить обнимание! Руки прочь от тело-носителя!

В толпе кто-то нервно засмеялся.

– Отставить смех в строю! Шаг вперед! – разошелся не на шутку экс-военный.

Нервно хихикающий, глядя на директора, продолжал судорожно заикаться:

– Не могу, мне будет сейчас плохо.

– Это точно, – подтвердил бывший прапорщик. – Отжаться сто раз!

Парень подумал, что это шутка и захохотал еще истеричнее. Дятла это обозлило еще больше:

– Молчать! Я не давал команду смеяться! На пол! – приказал он.

Прапорщик понял, что этот боец для него потерянный, и что делать с ним он не знал, обычно таких в армии сдают психиатру. Куда было сдавать этого, – не понятно.

Поэтому он переключился на другие движущиеся объекты, создающие угрозу правильно организованной дискотеке. Бывший прапорщик с ностальгией вспомнил, как слажено танцевали солдаты по его команде – никаких отсебятин, ненужных телодвижений. Что делать с этими гражданскими, директор не знал. И даже его большой опыт строевой подготовки ничего не мог подсказать.

И хотя дальнейшие дискотеки доходов не приносили, Дятлов все же был собой очень доволен.

Но Евгений Викторович был человек деятельный, без указаний он просто не мог жить. И однажды утром пришедший на работу народ увидел на туалетах надпись:

«Уволю, кто будет гадить мимо. Директор».

Так и осталось неизвестным, имело ли это событие место или директор просто решил упредить конфуз.

Директор, как говорится, не мог «ни гвоздь забить, ни моль прибить», но брался за все. Дискотеки – это самое малое, что он мог сделать для культуры. Последним всплеском его

таланта была роль Адама с большим яблоком ниже пупа, где он, ста килограммовый красавец в прозрачном облегающем костюме, изображал Адама.

Видимо, надкусанное в некоторых местах яблоко символизировало происки искусствителя. Под стать ему была и Ева, роль которой могла доверить себе только Воробьихина.

Ева пыталась обвить не тонкий стан пенсионера военной службы. Вокруг прыгала столь же умудренная житейским опытом ангел, она улыбалась во всю ширь своих оставшихся двух зубов – за неимением зубопротезиста в деревне и отставанием зарплаты культурного работника от инфляции в стране; на ней еле сходились крылья: в костюме с детского плеча.

Но когда появился Змей-искуситель с мишенью в том же месте, где яблоко у Адама, народ понял – появился в деревне новый талант. И скромно молчавший директор – режиссер и постановщик этого шедевра для себя сделал вывод: переплюнуть Змея-Искусителя в артистичности некому.

Образ был достоверен по причине того, что ползущий Змей так и не смог встать на ноги, публика вызывала его на бис.

Лучше местного министра культуры Харина вряд ли эту роль сыграл кто-либо лучше. Так пить мог только он да еще журналист, его приятель Мухрай Евгений Борисович.

Все бы ничего, но это были народные деньги, о чем Зоя Кобрина сигнализировала во все инстанции.

Конечно, все махинации были на поверхности, но кто бы их проверял, если счетную палату возглавляла любовница мэра, которая и научила его обходить все финансовые препятствия. Так что докопаться до правды было просто невозможно: на все ключевые посты были назначены свои люди.

Глава 5

Не надо думать, что в Сидристовке было безвластие. Были даже депутаты, избранные народом. Но почему – то так происходило, что побывав в кресле депутата, простой сельский житель, борец за права односельчан, вдруг через незначительное время, становится врагом народа.

Людей, которые его избрали, переставал замечать, не здоровался, лихорадочно начинал налаживать связи с чиновниками, на жалобы избирателей не реагировал, и всё время пытался что-нибудь получить для себя, хоть какую-нибудь выгоду.

Так было с нынешним председателем Совета депутатов Ожаровичем.

Каждый выдающийся политик Сидристовки пытался всячески способствовать своему имиджу заботливого хозяина села в разгар предвыборной кампании.

Но по жадности и предусмотрительности, – а вдруг не выберут, – в большой расход средств не входили, в основном по мелочам: кто торжественно вручит школе устаревший монитор от компьютера (всё равно выбрасывать), кто принесет подшивку прошлогодних газет для библиотеки.

Теперь уже главный депутат села, Ожарович, пошел дальше в своем меценатстве. Дворец бракосочетания в Сидристовке напоминал избушку на курьих ножках из русской народной сказки. С трудом верилось, что она стоит к новобрачным передом.

Во всяком случае, так скособенилась, что всем казалось: вот-вот завалится.

Николай Семенович, недолго думая, перед разбитым крыльцом установил камень с надписью: «Здесь будет построен новый ЗАГС в случае моего избрания».

И чтобы, видимо, закрепить свою клятву, данную электорату, рядом установил ворота счастья. Как-то по телевидению увидел сооружение в форме сердца и решил позаимствовать идею.

Новобрачные должны были перед входом во Дворец бракосочетания пройти сквозь сердце, символизирующее любовь.

Первая неувязочка получилась, когда силуэт сердца издали напомнил, как бы это поприличнее объяснить, – большую задницу. Депутат хотел заодно пропиарить себя с помощью прессы, поэтому свадьбу устроил накануне выборов.

Вот здесь произошла и вторая неувязочка. Жених с невестой перешагнули символ, но про камень брачующийся забыл... Вот только кому предназначались все те слова, что услышал электорат при падении кандидата, так и не поняли. Но идея с камнями пришлась по вкусу многим, благо, затрат – никаких.

Поэтому весь центр села был завален валунами разного размера с обещаниями: здесь будет баня, больница, новая школа, стадион...

Николай Семенович представлял из себя ходячую мумию, обтянутую желтой кожей. Нет, главный депутат Сидристовки не был больным, за здоровьем он следил тщательно, просто его маленькое тельце так выглядело в силу анатомии. Когда Ожаровича избрали в депутаты, директор школы, где он учился, произнесла:

– За всю историю школы, тупее его не было, – за что вскоре поплатилась.

Конечно, имея вышеупомянутый багаж знаний одна дорога – в физкультурники. Николай стал тренером по боксу. Поэтому никого не удивляло, когда депутат при разговоре с вами вдруг «зависал», глядя в одну точку, начинала дергаться голова, это молчание могло продлиться долго. Потом он приходил в себя, совершенно не помня, о чем только что шла речь.

Об этом он и потом не вспоминал – были дела поважнее.

У Николая Семеновича было редкое качество: он любил подстрекать людей на действия, которые выгодны ему. Так было с митингами, где «серым кардиналом» был опять он. Сам в

это время отсиживался в кустах, наблюдая процесс и только, когда ему выгодно, выходил на трибуну высказаться.

Ожарович шел к карьере долгими тропами. По дороге к ней предал не одну партию, двигавшую Николая Семеновича вперед, возлагавшую на него большие надежды, усадив в депутатское кресло.

Однако, когда ему свыше намекнули, что сомневаются в его лояльности новому режиму, он демонстративно сжевал свой партийный билет от оппозиции на глазах очевидцев. С того времени карьера пошла в гору, а несварение стало беспокоить все чаще.

Сразу на две вещи: работу и молодую жену, здоровья у пожилого человека не хватало. Поэтому на работе он постоянно дремал, с трудом раскрывая глаза, если к нему обращались. У депутата было огромное сходство с компьютером: он так же «зависал» в неподходящий момент и имел квадратную форму головы.

Но жить хотелось красиво, поэтому в доле с мэром прибирал к рукам всё, что еще можно утащить.

Исполнительная и законодательная власть жили в согласии и при случае избавлялись от тех, кто мешает их благополучию. Поэтому в деревне было относительно тихо.

Последующие события, правда, немного взбудоражили временное затишье.

В деревне кража века произошла! Услышав про это, каждому на ум приходило одно:

– Неужели печать у мэра из кабинета стащили? Больше там воровать нечего, бюджет давно расхитил.

Но оказывается, со двора у Попугаевой стащили алюминиевую бочку. Утром хозяйка пошла свиней кормить, а бочки нет. Она участкового вызвала. Приехали быстро, через двенадцать часов. Естественно, – один участковый на три деревни.

Очевидцы рассказывали:

– Еле дозвонились. Попугаиха все это время кур со двора гоняла, чтоб следы не затоптали.

А участковый говорит:

– Вы ничего не понимаете в следствии, поэтому не мешайте, и стал по следу ползти от коровника до огорода. Все затоптал пузом. И сделал вывод, что бочка большой ценности не имеет, а потому следствие придется закрыть.

– Помяните меня – это только начало большой преступности, потом и убийства начнутся, – все слышали, как голосом пророка произнесла Попугаева, закатив глаза, делились информацией очевидцы события.

Участковый жил в ста километрах от Сидристовки и охранял покой еще трех таких же деревень, где хищение чьей-либо собственности вообще не считалось преступлением на фоне убийств, драк и изнасилований.

Участковый первым делом опросил домочадцев – кто что видел или знает. Но как положено ночью, – все спали – никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Тогда представитель закона составил протокол и попросил поставить подпись.

– Что это? – поинтересовалась хозяйка пропажи.

– Что Вы не возражаете, что дело закроем, – расписался в собственном бессилии полицейский.

– То есть как это закроем, а бочку кто мне вернет? – возмутилась потерпевшая.

– Как Вы не понимаете, преступника мы не найдем, это «висяк», у меня этих «висяков»! Ни премии, ни отпуска, – дрожащим от жалости к себе голосом произнес страж порядка.

– А ты хотя бы попытался разобраться, в сарай даже не вошел, место преступления не осмотрел, – не на шутку рассердилась пострадавшая.

Участковый с грустью посмотрел на свои чистые туфли.

– Деньги налогоплательщиков надо отрабатывать, – изрекла госпожа Попугаева.

Если бы рядом находилась одна потерпевшая, участковый мог бы себе позволить чего-нибудь добавить, но на заборе гроздьями висели очевидцы, считай, полдеревни любопытных налогоплательщиков.

Грустно вздохнув, участковый ступил в сарай для исполнения долга. Туфли сразу же погрузились в жижу.

– Смелей, бочка стояла там, – указала хозяйка, – в дальнем углу.

Поняв, что туфли для него потеряны безвозвратно, и единственное, что придется, – это научиться оправдывать исходящий запах, допустим, очень модным парижским парфюмом, где главный компонент навоз и свиная моча с переваренным ароматом луговых трав и цветов.

Оглядев след от пропажи, участковый, уже не осторожничая и, не пытаясь сохранить обувь и штаны, шагнул по следу, свидетельствующему, куда катили злосчастную бочку. Сельский Мегрэ под грозным взглядом владелицы упал, держа перед собой лупу.

В погоне за целью он не заметил, как воткнулся лупой в ноги пострадавшей.

– Чего с лупой ищем? – поинтересовалась шепотом хозяйка.

– След, – так же таинственно ответил полицейский.

– Так я его и без лупы вижу. Тут, где я стою, он обрывается, значит, дальше они погрузили в люльку трехколесного мотоцикла «Юпитер», – попыталась навести сыщика на след пострадавшая.

– С чего Вы решили, что их было двое, и откуда взяли про мотоцикл? – полюбопытствовал участковый.

– Во-первых, видно, что ее держали за ручки, бочка большая, один бы ее катил. Во-вторых, след от мотоцикла. В-третьих, мотоцикл у нас только у одного – Петьки Кривцова, а к нему вчера гости приехали выпить. Пошли, покажу, кто мою бочку стащил, если на металл сдать не успел, – предложила потерпевшая, разочаровавшись в уполномоченном лице.

В деревне недавно открылся пункт приема металла от населения, сдавали туда всё, вплоть до могильных оградок. И действительно, бочка была обнаружена в куче другого металла.

– А меня-то зачем звали, если знали, где Ваша бочка? – возмутился участковый.

– Мало ли что я знала, ты – власть, а я кто?! С тебя и спрос, кто бы мне ее так отдал, еще бы в куче этой зарыли, – философски рассудила госпожа Попугаева.

Об этом преступлении еще долго вспоминали в Сидристовке. Но больше всего сокрушались о помятой картофельной ботве, по которой участковый полз с лупой в поисках преступника.

Вся беда участкового была в том, что он уехал, успокоенный мыслью, что за эту деревню можно быть спокойным, все преступления здесь легкой тяжести, да и то само население за тебя сделает работу, твоя задача только поприсутствовать для значимости.

Он даже не интересовался, какую бурную активность развивает общественность в период выборов мэра, и что благодаря Зое Кобриной ни один мэр положенный срок не отсидел, всем им она объявляла импичмент.

Выборы были единственным развлечением сидристовцев, которые они ждали с огромным удовольствием покуражиться над властью. И были они уже не за горами.

Директор музея Екатерина Викторовна Цыпушкина, по паспорту-Дездемона, очень это имя не любила, поэтому вскоре все привыкли, что она – Екатерина, была женщиной широкой, фигуристой, зато мужу покупала одежду в «Детском мире».

И не с нее писалась пьеса «Отелло», потому что одному мавру придушить эту гору достоинств явно было не под силу. Чего уж говорить в таком случае о ее муже. Еще по молодости Петр попытался приструнить в порыве ревности свою Катю, как тут же был выброшен прямо с порога в толпу поджуживающих на военные действия товарищей.

Так под насмешки всей деревни и ходил, пока все не забылось, и не появились новые герои для обсуждения. Однажды супруг пришел поздно, хорошо поддатый, и в постели стал

вслух упрекать жену в необдуманных действиях, как она опозорила его перед друзьями. Катя мягко положила руку на мужа, пытаясь унять поток речи, отчего наутро на работу идти не смог – на пол-лица красовался багровый синяк, а все лицо напоминало подмигивающего китайца.

С того времени Пётр боялся чем-нибудь прогневать свою Катюшу, так как догадывался, какой она могла быть в гневе, если рядовое недовольство выразилось в таком членовредительстве.

У Миледи Павловны такого жизненного опыта не было, как у ее подруги. Она уже за тридцать годочков вышла за своего первого и последнего, но счастье продлилось недолго: когда муж, потеряв работу, вдруг потерял смысл в жизни.

Он привык быть добытчиком в семье и роль нахлебника его не устраивала. Отчего он сильно переживал. Однажды прилег отдохнуть и больше не проснулся – остановилось сердце. И осталась она совсем одна.

Конечно, и в ее жизни случалось всякое. Но из-за ее жизненных кредо, в судьбе Милы ничего не менялось. Внешне она была не красавицей, но и не дурнушкой: невысокая, не расплывшаяся, как ее сверстницы, с большими карими глазами и рыжими волосами. Изредка подкрашивалась по торжественным событиям.

В тот момент, принарядившуюся, можно было даже назвать симпатичной. Один минус был в ее характере: все воспринимала буквально, несмотря на возраст, все еще верила в сказки. Соблазнить такую женщину попытались лишь однажды, но все это закончилось потерей органа.

Однажды, когда Миледи была помоложе, зашел в библиотеку приезжий. Стали говорить о литературе. И когда Мила почти прониклась к нему благосклонностью, вдруг грубо стал приставать.

Бежать не было возможности, и библиотекарю ничего не оставалось, как вскарабкаться на стеллаж и отбрыкиваться от него ногами, при этом кидаясь книгами. Это продолжалось, пока не попала ногой в лицо.

В библиотеку вошла уборщица тетя Шура и увидела такую картину: библиотекарь сидит на стеллаже, а читатель лазает по полу и просит помочь ему найти искусственный глаз. Вывод напрашивался один: не первый раз, видно, этот тип приключения на своё око ищет.

Кроме всего прочего Милу Павловну в деревне уважали и считали умной – как никак с книгами работает, газеты читает – в курсе всех событий. Поэтому в библиотеку приходили не только за книгой, но и пообщаться. Она охотно помогла людям советом и делами.

Муж у Миледи подобрался точно такой же, как она. По молодости детей заводить не торопились, а когда климакс в спальне появился, поняли, что жизнь потрачена не туда: и разбогатеть не удалось и от детей всю жизнь предохранялись.

Тогда Васька работал инженером, часто ездил в командировки. Но, как известно, в те времена с противозачаточными была проблема, а тут удалось купить у спекулянта целый кейс презервативов. Столько радости он даже во время секса не испытывал. Но не таскаться же с ними по организациям, оставил в камере хранения. Видя, как мужик поглаживает чемодан, подсел к нему «на хвост» один воришка, выследил, думая, что куча денег, – иначе чему бы человек так радовался, – и стащил этот кейс. Не успел отойти, его с чемоданом схватила милиция. Если б не еще одно воровство, жулик мог остаться на свободе, потому что о краже Васька заявлять не собирался: к чему себя на смех поднимать. Что он в заявлении напишет: кража полного чемодана презервативов?

Но история эта не закончилась. Отсидев, вор этот оказался случайно в Сидристовке, узнал Ваську и подкинул этот чемодан, который ждал его, как личное имущество, при освобождении. Когда Мила открыла обнаруженный на крыльце чемодан с презервативами, она долгое время находилась в шоке. Хотя, как потом выяснилось, все эти резиновые изделия ни куда не годились – они все были изъедены тараканами – то ли еще при продаже, то ли в тюрьме. А жулика, видимо, замучило угрызение совести, вот и расстался с награбленным.

Глава 6

В деревне друг от друга никаких тайн в принципе быть не могло, каждый знал про соседей все подробности, а если и не знал, то домысливал. Радио в деревне давно уже не было, да и те новости, что они обсуждали, по радио не услышишь.

Но главный центр информации находился в клубе, а так как Попугаиха, занимала там должность уборщицы, то встрече с ней всегда были рады: хоть таким образом разнообразить унылую деревенскую жизнь, даже если это называют сплетнями.

Попугаиха – это местное прозвище Иветты Альбертовны Попугаевой. Как появилась в населенном пункте довольно далеко от Африки такая экзотическая русская фамилия, доподлинно неизвестно.

Прозвище подходило к его хозяйке за любовь к ярким одеждам, совершенно не сочетаемых друг с другом расцветок, за болтливость. Если где-то в обществе появилась Попугаиха, то уже никто слова в разговор не вставит, – это монолог, который прерывать нельзя, иначе она может обидеться.

А обижать Иветту – вредить себе, потому что язык у нее такой злой, что стоит ей о чем-то сказать, как оно тут же материализуется. Но к колдунам себя не причисляла, и даже обижалась, когда кто-нибудь намекал на это.

Её стали побаиваться и при ней лишнего слова не говорить, только бы не обидеть, а открыто конфликтовать вообще боялись из чувства собственного самосохранения. Однажды директор клуба захотел ее уволить за то, что высказала своё мнение. Женщина посмотрела на него своим мутным взглядом и тихо спросила:

– А не боишься, что прокляну?

Евгений Викторович разошелся: «Меня своими проклятиями не проймешь! Завтра можешь не выходить на работу!»

Уборщица спокойно сидела дома, пока не прибежала секретарша:

– Директор просит вернуться.

Оказывается, после разговора с уборщицей, он как засел в туалете, так и не смог с унитаза подняться, чтобы уйти домой. Перепил все таблетки от поноса, вызвал «скорую», сдал анализы, но ничего не помогает. Неделю проходил в памперсах.

Женщина она не гордая, тем более в деревне работа в дефиците, вернулась на рабочее место. И у Дятла странным образом все прекратилось. Теперь он с Иветтой Альбертовной только по имени отчеству и на Вы, сильно боится ее проклятий.

Попугаиха очень любила комплименты относительно её хорошего вкуса. На голове её красовалась шляпа, скорее напоминавшая личную неприязнь: с какой-то плоскости свисали не то обноски, не то объедки, приукрашенные неприглядными искусственными цветами. Это сооружение одновременно притягивало и тут же отталкивало взгляд. Одним словом, смотреть было противно.

– Как ты, Ивочка, элегантно выглядишь, – похвалила Семеновна соседку. Тебе так эта шляпа идет.

– Не говори, – согласилась Иветта. – Мало кто в деревне может понять высокий стиль. Недавно на остановке стоит Трандычиха в платке и фуфайке, как старуха, хотя на год меня моложе, и кости мне моет, мол, я в шляпе на пужало похожа.

– Завидует, – поддакнула Семеновна.

– И то верно, самим шляпу напялить слабо, так на мне отрываются. А того не понимают, что я работник культуры, поэтому должна соответствовать.

В тот день к шляпе прилагался красный пиджак, желтая футболка, зеленое трико с заплатой на коленке и мужские шлепанцы.

– Да, вместо испорченного светофора выставить Попугаиху, – мысленно позлорадствовала Семеновна, но тут же изобразила восхищение, – еще найдет чего-нибудь.

Рядом с бабушкой крутился, обвязанный за талию веревкой внучок Вовочка. Ангелоподобная внешность совершенно не соответствовала его характеру. У многих первоначально вызывало жалость такое отношение бабки к внуку, но те, кто ненадолго оставались один на один с Вовочкой, вскоре меняли свое мнение, подсчитав убыток, нанесенный ребенком.

Речь идет уже не о сломанной бытовой технике, мебели и посуде, – это мелочи по сравнению с нанесенными травмами по неосторожности. Собаки и кошки при виде маленького Вовочки со скоростью пули прятались подальше. Нет, он не был садистом, но когда пытался погладить кошку или собаку, то обязательно рука оказывалась в смоле или клее, соответственно, животное приходилось брить, как скинхеда.

Или при строительстве домика для собачки замуровал её так, что осталось лишь окошко для глаз. Любимое изречение любознательного внука было: «В принципе, интересно, что там внутри», и в ход шли попавшиеся под руку инструменты или предметы, заменяющие их. Иветте очень сочувствовали. Работы в деревне не было. Дочери и зятю удалось пристроиться в городе, а Вовочку они навещали лишь по выходным.

Внук бегал вокруг бабки пытаясь поймать руками курицу:

– В принципе, откуда у нее яйца берутся?

– Сегодня куда его? – поинтересовалась Семеновна, ругая себя за опрометчивость, а вдруг ребенка предложат ей. Второго раза она не выдержит – до сих пор разрушенное хозяйство восстанавливает.

– В библиотеку или музей. Там они с ним умеют договариваться. Их слушается. Как-то захожу его забрать, а тот уже книжки читает, – похвасталась бабуся.

– Так интеллигенция, надо думать, – сделала вывод Семеновна.

– Ага, – согласилась Попугаиха. – Я тоже с ним как начну интеллигентничать, так он вообще неуправляемый. Куда, паразит, полез? – заорала бабушка на внука так, что вспорхнули со страшным карканьем вороны. – Даже книжку в библиотеке взяла про педагогику, – как ни в чем не бывало, продолжала она. Внук даже ухом не повел. – Так что, считай педагог. Дурак – дураком, весь в зятя, – рывкнула бабуля, дав оценку действиям внука.

– В кого же еще, – согласилась Семеновна, тоже не любившая своего зятя.

В соседнем доме раздался грохот, похоже, полетели на пол кастрюли и ведра, причем все сразу.

– Чего это у них там, – заинтересовалась Семеновна, – все падает?

– А ты не слыхала? – удивилась собеседница, – так ведь Кобринны разводятся.

– Да ну, не может быть! – ахнула Семеновна, глаза загорелись нездоровым огнем любопытства. – Зойка такая женщина видная.

– Зойка-то видная, а мужик её загулял, – посочувствовала Иветта Альбертовна.

– Скажешь тоже, кому он нужен, – засомневалась Семеновна. – Может, врут всё?

– Мне дочка рассказала. Она в райсуде полы моет. Точно разводятся, – убеждала собеседницу Иветта.

– Так ни криков, ни разборок. Кто так разводится? Вон мои соседи разводились, так было на что посмотреть, – засомневалась Мария Семеновна.

– Пока не померли в один день, как Ромео и Джульетта, – мечтательно произнесла Попугаиха, – оба от инсульта, и до пятидесяти не дожили, – вспомнив упомянутую пару.

Соседки еще долго бы говорили на эту тему, если бы не очередной грохот из дома Кобринных.

– Может, посуду в него швыряет? – с надеждой произнесла Семеновна. – Хоть бы слово произнесли.

– Ага! Они произнесут! Интеллигенция чертова. Ничего народу не расскажут, всё втихаря, – терпение Попугаихи было на исходе.

В подтверждение её слов в открытом окне раздался спокойный голос Зойки:

– Вы не правы, Николай Гаврилович!

И на этом наступила долгая тишина. Семья Кобриных всегда вызывала горячий интерес у односельчан.

Кобрина Зоя Васильевна имела какую-то мутную биографию, об этом догадывались все, но высказаться по этому поводу побаивались. И как можно верить Зойке, если она врёт, как дышит, – настоящий политик, – да еще забывает то, что говорила, она любила вспоминать о своём первом муже:

– Мы поженились рано, я только что поступила в консерваторию, он был военным моряком. Погиб во время учений, – вытирая слезу, бывшая вдова смотрела куда-то вдаль, словно проникая сквозь время и расстояние в свои далекие воспоминания.

Редко, кто не всхлипывал при этом, жалея первую Зоину любовь, погибшую в морской пучине. Едва привыкнув, что её первый муж был моряком, приходилось выслушивать и другую версию. В этом случае Зоя закатывала глаза и пронзала взглядом небо, где по её версии разбился военный летчик во время испытаний, её первая любовь.

– Оба взяли и погибли? – удивилась вдруг Попугаиха.

– Какие оба? – возмутилась Зоя Васильевна. – Один был.

– Но ты в прошлый раз утверждала, что он – моряк, а нынче – летчик, – не унималась женщина, которая во всем любила точность и спорить могла до потери голоса, настаивая на своем.

Когда приехал в деревню цирк, и Кобрина задумчиво созерцала афишу с клоуном, все забеспокоились: лётчик-подводник вполне мог оказаться клоуном. К счастью, она эту тему дальше не развивала, а потому так и осталась женщиной-загадкой.

Зоя Васильевна работала учителем музыки по классу балалайки. Музыкальная школа размещалась в клубе, занимая несколько кабинетов. Надо сказать, педагогом она была неплохим, к ученикам относилась с уважением и никогда не повышала на них голос.

У неё был приятный убаюкивающий голос, тем не менее, слушать ее было невыносимо. Если Кобрина начинала что-то рассказывать, то хотелось либо заснуть, либо сбежать, потому что повествование было перегружено ненужными подробностями. Порой Зоя забывала вообще, о чем шла речь и пыталась вернуться к истокам рассказа. Это слушателя сильно утомляло.

Но Зоя Васильевна не замечала этого, или не хотела замечать, тем более, она всегда вспоминала, на чем прервала свою речь, и продолжала, как ни в чем не бывало. Чувство юмора у Зои отсутствовало напрочь. Каждый анекдот она анализировала и размышляла о сути.

Кобрину вообще ни в какие тусовки запускать было нельзя. Одно время она разочаровалась в политике и ушла с головой в религии, все сразу. Пройдя всё, решила ненадолго остановиться на православии.

Однако, Зоя выбрала не очень удачное время. Когда-то в Сидристовке стояла церковь, построенная на деньги прихожан. Это было деревянное строение с сияющим позолотой крестом. Потом случился пожар и, хотя её отремонтировали по мере возможностей, вид стал неприглядный.

При всём при этом храм посещали: уж очень был батюшка хорошим, – никого не осудит, поговорит по душам в случае какого горя, да и проповеди вёл замечательно, проникновенно. Иеромонах Филарет пользовался огромным уважением на селе. Но уж очень был доверчив.

Какой сам был, чистой души человек, такими и других видел. Накануне выборов в депутаты в церковь, вдруг, ни с того, ни с сего зашел Ожарович, даже разорился на свечку. После службы он подошел к отцу Филарету и покаялся:

– Грешен я, сам знаю. Но есть у меня мечта. Как только изберут меня в депутаты, так сразу новую церковь построю. Так всем и скажите.

Батюшка на следующей службе об этом поведал прихожанам. Когда Николай Семенович уже восседал в депутатском кресле, священник пришел напомнить ему о сделанном обещании.

– Да хоть сегодня начнем, – пообещал депутат, – нужно подогнать строительную технику, чтобы разровнять площадку, а старая церковь мешает. Как только разберёте храм, тут же и приступим. Месяца через два уже будет стоять новая церковь.

Отец Филарет организовал субботник. За один день дом был снесен. Но техника так и не прибыла ни через месяц, ни через год. Хорошо, хоть не успели разобрать трапезную – маленькую избушку, которая не могла вместить всех желающих помолиться. Первое время Ожарович прятался от священника, а потом заявил:

– Вы не правильно всё поняли. А что церковь разрушили, так это ваши проблемы.

У отца Филарета сердце не выдержало. Долгое время в деревне не было священника. Куда православные только не писали. Но если нет прихода, так значит, и поп не положен. Наконец, Кузькину надоело постоянное паломничество бабок, и он откуда-то притащил отца Александра, лишь бы отстали.

Батюшка имел длинную бороду и громкий голос. А то, что у него не было сана и, он в жизни не держал в руках Библию, а также не знал ни одной молитвы, главу заботило мало. Лишь бы электорат успокоился до его перевыборов, а там видно будет.

Батюшка оказался очень порочным человеком. Все знали, что вместе с мэром он частенько отдыхает в сауне на объекте. Но мало кто знал, что кроме омовения тела, тот еще и хорошо полощет языком.

Отец Александр, конечно, о тайне исповеди знал, но хранить не умел. Временами батюшку, очень пьяненького, подбрасывали к месту его службы, где душу из него уже вытряхивала попадя, пытаясь эту заблудшую овцу привести в чувство. Зная всё это, прихожане написали жалобу на недостойное поведение священника, на что мэр осудил их за отсутствие терпения и всепрощения. Но всё же, Зоя решила окреститься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.